

ОТТЕСНЯЯ МРАК

I

ПРЕДЧУВСТВИЕ

День, когда его убили, не был обычным, в смысле он не был неожиданным. Задолго до этого ни одна газета не была обычной: самые дурные предчувствия, внезапные приступы страха, беспокойство и даже слезы стали попутчиками моих родителей. Никто и не помнит, когда это началось. А может все-таки да: с того вечера, когда мой отец пришел домой потрясенный: "Джемма, Пинелли мертв".

И позже, когда на стенах в городе появились первые надписи, указывающие на него как на комиссара "убийцу". С утреннего выпуска начались свирепые нападки прессы, заряженной жестокостью и сарказмом, начиненной угрозами, обещаниями, вызовами и даже карикатурами. Через некоторое время после моего рождения ежедневная газета «Непрерывная борьба» изображала моего отца со мной на руках, усердно обучающим меня отрубать головы на примере маленькой игрушечной гильотины и кукольного анархиста.

Но именно детали, которые я в течение лет собирал и инстинктивно упорядочивал, делали из обычного дня день предреченный. Предвиденный. Даже ожидаемый.

Мои родители задолго начали готовиться к тому, когда разразится трагедия. Естественно, они это делали почти неосознанно, каждый раз с долей непостижимости, но сегодня, когда я воскрешаю в памяти те мгновения, их минуты просветления или внезапного отчаяния, я задыхаюсь, я не могу понять, как они выживали. Сначала вместе. Моя мама в одиночестве после.

Сегодня я пишу, но вот уже сколько лет, практически сколько себя помню, я раскладываю по полочкам воспоминания, разговоры, откровения.

Моя мама. От нее можно услышать только помаленьку. Душевная боль вспыхивает сразу же и допускает лишь краткосрочные немногословные вторжения; с мамой нельзя находиться долго в пространстве начала 70-х, слишком велик риск доставить ей излишнее страдание, и тогда лучше притормозить любопытство.

Моя бабушка по материнской линии Мария Тэсса Капра. С ней можно говорить подолгу, она отшагала весь короткий век, родившись на заре Первой Мировой Войны и за два года перед русской революцией. Она видела две войны, её дом разбомбили, её мужа держали в заключении в Германии, она осталась вдовой и потеряла одного из семерых детей, но она никогда не переставала бороться. С ней можно говорить только подолгу: не имеет смысла сесть на диван или на стул в кухне и задать ей вопрос о прошлом, если не имеются в распоряжении хотя бы часа два. Ей нравится вспоминать, она обожает это делать даже если это вызывает боль. Она открыла мне чудотворное и лечебное свойство слова и научила меня как важно делиться воспоминаниями.

Друзья моего отца, которым я в течение лет, осторожно, задавал вопросы. Осторожность – дочь моей осмотрительности, которая всегда удерживала меня от распахивания дверей в комнаты, которые могли быть слишком переполненными для доступа.

Таким образом, со временем, я выстроил линию из шести воспоминаний, шести кадров, являющихся символом их тяжелого испытания, их мук.

Дедушка. Мой дедушка по материнской линии, Марио Капра, производил ткани и торговал ими. В самые мучительные дни нападков прессы, в одно воскресенье, после обеда, дедушка отвел моего отца в сторону и тихо сказал: «Луиджи, все это теперь стало слишком опасно, уходи из полиции, у меня есть для тебя место. Будешь работать в Риме, оставишь

позади этот город с его бесами, обещаю, что будешь получать еще больше...». Мой отец, рассказывает бабушка, прервал дедушку как раз тогда когда тот пытался переманить его, иронизируя над государственной зарплатой, сказав коротко и ясно: « Спасибо, это очень чутко с твоей стороны, но я не могу. Никак не могу. Это был бы побег. Это означало бы бегство. Более того, это означало бы, что я признаю себя виновным. Я останусь до конца и не побоюсь смотреть всем в глаза». Мой дедушка той ночью не мог заснуть и долго говорил лежа в кровати своей большой квартиры напротив ипподрома Сан Сиро: « Он выбрал свою участь и нам не удастся его спасти».

Почта. Моей маме все стало ужасающе ясно, когда почтовый ящик начал пустовать. Неожиданно почты больше не было. Консьерж на вопросы отвечал: « Я всегда кладу ее в ящик, спросите у мужа». Она спросила у папы, но он не подтвердил, сказав, что просто меньше приходило почты, отпустил какую-то шутку, которую никто уже не помнит и поменял тему разговора. Мама стала более внимательной. Однажды утром она нашла причину, чтобы выйти пораньше, посмотрела в почтовый ящик и увидела письмо, на котором был адрес написанный фломастером, но не взяла его. Она оставила его на месте и решила подождать. Когда она снова вышла из дома с детской коляской, ящик был пуст. Она дождалась вечера, и когда папа вошел на порог спросила: « Почта приходила?». Когда он ответил что нет, она поняла в чем дело и похолодела внутри. Это были письма с оскорблениями, угрозами, он просто прятал их, чтобы не нагнетать страх. С годами она поняла, сколько любви было в этом жесте, который позволял им иметь подобие нормальной жизни.

Записка. Существуют рассказы друзей, повторяемые на протяжении лет, о его откровениях, его письмах, которые выдавали его страх, его предчувствиях, но прежде всего, существует один клочок бумаги, который всегда вызывает во мне умиление, символ его недостаточной защиты, скорее даже его наивности. Это была записка, которую моя мама нашла в его кошельке: на углу оторванному от газеты – номер машины и слова «3.11.71. За мной следят, двое парней на машине, записали мой номерной знак».

Предчувствие. Однажды утром, на Корсо Верчелли, ровно за неделю до его убийства, держа меня за руку одной рукой и другой толкая коляску, в которой сидел Паоло, мама посмотрела на свое отражение в витрине аптеки и подумала: «Я вдова». Сначала она попыталась прогнать от себя эту мысль, но позже не выдержала и разразилась рыданиями посреди улицы.

Пистолет. У моего отца был служебный пистолет, как и полагается. Это был маленький револьвер. Он держал его в разобранном виде в шкафу, запрятанным среди свитеров. Однажды утром моя мама, наводя порядок, не увидела его на месте. Когда она спросила о причине, он ответил, что отнес пистолет на работу и оставил его там. Когда она начала настаивать, он прекратил разговор словами: «Джемма, давай забудем об этом, я не хочу держать его дома и не хочу носить с собой, и потом» - это суждение, которое он повторял и своим друзьям, удивлявшимся тому, что он ходил без оружия – « он мне не поможет: если в меня будут стрелять, то из-за спины. У них не хватит смелости выстрелить, смотря мне в глаза. И даже если я их увижу, мне не хотелось бы ни в кого стрелять».

Обещание. За четыре или за пять дней до своей смерти, скорее всего в пятницу 12го или в субботу 13-го мая 1972 года мой отец отвел меня к бабушке и дедушке. Кажется, я у них остался и на ночь, чтобы родители могли пойти на ужин в тот вечер. Бабушка, на пороге, перед тем как он вышел, услышала от него следующую просьбу: «Мама,» - он звал ее так с тех пор как освоился, не смотря на то, что она была его тещей – «пообещай мне, что если со мной что-нибудь случится...». Она попыталась остановить его, попробовала даже прикрыть ему рот рукой, но он сказал ей задыхаясь: «Мария, умоляю, пообещай мне, что вы позаботитесь о Джемме и детях». Она смогла лишь кивнуть головой, в расстройстве, и он ушел быстрым шагом.

Можно полагать, вот таким было тревожное состояние семьи, отображенное в шести кадрах моего личного фильма, недоступного другим. Годами, чтобы разобраться, я занимался тем, что пересматривал эту пленку и, к сожалению, понял, что насилие и степень опасности были у всех на глазах. Но почти никто не оказался способным предвидеть трагическое развитие войны объявленной прессой против моего отца.

Желание понять, узнать, что говорили и писали о моем отце, прорвалось во мне, когда мне было 15 лет. В четвертом классе гимназии я начал пропускать занятия для того, чтобы читать газеты тех лет в зале периодики библиотеки им. Сормани, в нескольких сотнях метрах от Дворца Правосудия. Я делал это в течение долгого времени, иногда делая паузы в несколько месяцев, по крайней мере, до конца первого курса лицея. Я приходил рано утром, перед открытием, чтобы зайти первым. Сломая голову я несся запрашивать микрофильмы и, чтобы не стоять в очереди и ждать, я часто заполнял заранее желтый бланк запроса. Сначала я решился подступить к «Коррьере дэлла Сера». Начал с массового убийства на Пьяцца Фонтана и дошел до дня убийства.

Это была работа уединенная и методичная, разрушительная для зрения, но она меня захватила. Я погружался в другую эпоху, терял восприятие времени и настоящего момента. Я совершенно забывал о проблемах в школе, о проверочных, о греческом, об одноклассниках. Это было всепоглощающее занятие. Порой мной овладевало любопытство наблюдателя, на отдалении, будто это событие меня не касалось, но иной раз от тревоги у меня пересыхало во рту и отнимались ноги. Тогда я вставал, перематывал пленку назад и переходил на другое место в нескольких десятках метров, в зал фильмотеки. Удивительное и притягательное место, в котором была коллекция фильмов казавшаяся мне потрясающей. Ты выбирал фильм, затем ждал на своем месте перед экраном, пока его загрузят в видеомагнитофон. Я считал это необычайной вещью, государственной услугой на уровне привилегированности, достойной такого передового города как Милан. Чтобы держаться в теме, или быть может потому, что я был увлечен той эпохой, я просил фильмы 70-х: Феллини, Трюффо, Кубрика. Всегда в одиночестве, всегда молча. Чтобы вернуться в настоящее, поздно утром, я проходил за Пьяцца Дуомо, в пекарню «Луини». Панцеротти с моццареллой и помидорами были долгие годы моим якорем спасения, рубильником для возвращения в жизнь. Я покупал две штуки и ел их по дороге в сторону Замка Сфорца.

Со временем я переключился на еженедельники, прежде всего «Л'Эспрессо», и только к концу отважился открыть страницы «Непрерывной борьбы». Не стоит даже говорить о том, каким жутким было их чтение.

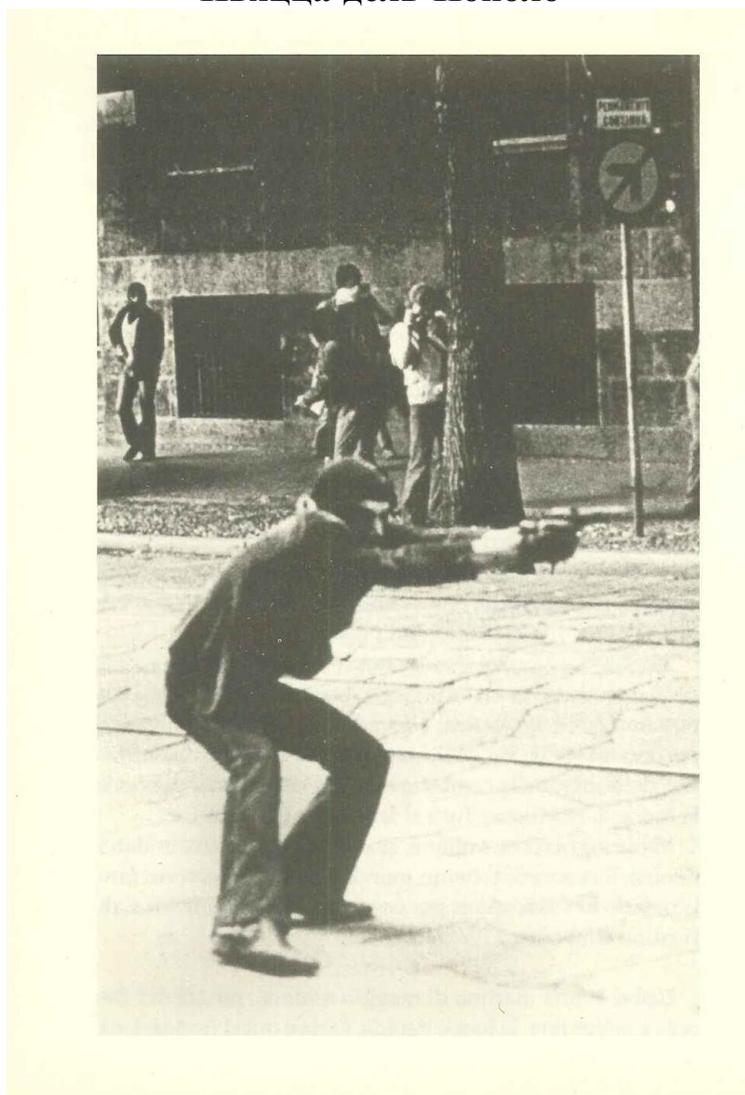
По сей день, когда я читаю то что они писали, даже если рассматриваю это в контексте тех событий, даже представляя перед собой Государство того времени, непроницаемого и враждебного, я не могу понять как можно было вообще писать фразы типа этой от 6 июня 1970го: « Этот воинственный лихач, любящий кидать из окна, должен будет за все ответить. Мы ему дышим в затылок, так что уже бесполезно бить копытами как взбешенный бык».

Или статья, вышедшая 1-го октября 1970 года, за неделю до начала процесса против «Непрерывной борьбы», по обвинению в клевете, который очень быстро превратился в процесс против моего отца: « Мы обошлись слишком мягко с комиссаром полиции Луиджи Калабреззи. Он позволяет себе продолжать жить спокойно, продолжать свою работу в полиции, продолжать преследование наших товарищей. Но занимаясь этим, однако, ему пришлось разоблачиться, его лицо стало привычным и известным среди борцов, которые научились его ненавидеть. И пролетарий уже вынес свой приговор: Калабреззи является ответственным за убийство Пинелли, и Калабрази должен будет за это дорого заплатить».

Страна безумствовала и эта молодая пара – в начале 70-х моей маме было двадцать три, а папе тридцать два – все больше оставалась одна. Однажды вечером она ему сказала, в порыве воодушевления: «А почему бы нам не пойти прогуляться по Брере или Навильи? Там кипит жизнь»; он ответил с горькой усмешкой: «Я бы с удовольствием, но тогда мне понадобится охрана...». Когда он выходил вовремя с работы и моя тетя Грациэлла прибегала

чтобы посидеть со мной, они заказывали уединенный столик где-нибудь на окраине или шли в кино – это было их большим увлечением – предусмотрительно заходя в зал, когда фильм уже начался, чтобы их не могли узнать. «Это была изумительная пара, которая жила во все растущей изолированности от города», рассказывал мне Антонио Ланфранки, миланский предприниматель, познакомившийся с ними в те годы и автор одного из немногих некрологов, опубликованных в «Коррьере делла Сэра», которые не были бы официальными или от родственников. 18-го мая 1972-го года он писал: « Антонио Ланфранки оплакивает друга Луиджи Калабреззи». Арнальдо Джулиани, в то время заведующий отделом хроники на Виа Сольферино, нашел его и взял интервью – до такой степени это показалось ему сногшибательным. Когда он рассказал мне этот эпизод, одним сентябрьским днем 2005го, мне показалось, что он мало заслуживает доверия или по крайней мере преувеличивает. Тогда я решил проверить, и, к сожалению, так оно и было: памяти Луиджи Калабреззи – отца двоих детей и в ожидании третьего, убитого двумя выстрелами из-за спины, жертвы свирепого общественного самосуда – было посвящено всего лишь четыре спонтанных, написанных по собственной инициативе некролога.

II Пьяцца-дель-Пополо

14-го мая 1977-го, на Виа-дэ-Амичис в Милане, парень в балаклаве, расклеванных джинсах и высоких ботинках, целится пистолетом в вытянутых вперед руках. Эта

фотография облетела весь мир. Умбэрто Эко всего через неделю после напишет: запомните это изображение, оно станет показателем нашего века. Это эмблема столкновения, взбудоражившего Италию; снимок-символ 77-го, «потерянного в насилии поколения», года, в котором было совершено 42 убийства и 2128 покушения на политической почве.

Листаю французский еженедельник «Ле Нувель Обсерватёр» и нахожу его способ введения в историю Годов Свинца блестящим, четким. Все знакомы с этой фотографией, она впечатляет, для некоторых она даже стала иконой. Для многих она олицетворяет собой окончательное поражение идей, протеста; некоторые же радуются силе, бунту. У всех останавливается взгляд на этой фотографии.

Но надо перевернуть ее, посмотреть на нее с обратной стороны, войти в нее. Так открылся бы непростой мир, с которым пришлось бы иметь счеты. Я это делаю почти случайно, благодаря моей матери и алфавитному списку.

Утренний майский рассвет в Риме, Пьяцца-дэль-Пополо необычайно красива, теплый свет и прохладный воздух. Девушка в сапогах мартинсах, с пирсингом, беспомощно плачет. Какая-то женщина инстинктивно ее обнимает, прижимает к себе, говорит: « Это ведь замечательно, что твоему отцу дают эту медаль, ты должна гордиться».

Президент Республики за день до церемонии упал, сломал руку, люди волнуются, скорее всего, он не будет вручать медали за отвагу. Не будет он вручать их и в память о погибших от терроризма, те самые золотые медали, присуждаемые спустя вечность, вбирающие в себя тридцать прошедших лет, причиняющие ответную боль, к которой невозможно быть готовыми, которая никогда не изволит доложить о себе. Они появляются и вырывают тебя из настоящего.

Они переносят тебя назад в прошлое, на почти забытые земли, в которых трудно узнать свою страну, земли, оставленные невозделанными, под присмотром немногих. Если у кого-то возникнет желание перевернуть эту фотографию, посмотреть на Виа-дэ-Амичис глазами ребят с пистолетом ПЗ8, он увидел бы перед собой людей в военной форме – молодых, с юга, неподвижно стоящих посреди дороги. Затем он увидел бы, как выстрел попадает в одного из них, парня 22-х лет, неаполитанца, прибывшего в этот город недавно. Он увидел бы, как тот падает, в агонии. Газеты на следующий день напечатают его фотографию, это единственная фотография, которую можно найти в архивах. Его звали Кустра. Вице-бригадир карабинеров Антонио Кустра.

Надо бы не полениться и поискать еще, перевернуть архивы, стряхнуть пыль, освободиться от заковыристой бюрократии, от картотечного нумерования, идентифицирующего того полицейского как жертву номер 14 в Годы Свинца. Вот тогда можно было бы увидеть кое-что другое, что вызовет смятение, дискомфорт: совсем молодая вдова, убегающая из города, следует за гробом мужа, возвращается с ним на родину. Она не одна, с животом, она ждет девочку, которая никогда не увидит своего отца. Но заглянуть так далеко назад, перенестись на Виа-де-Амичис и проследить события до сегодняшнего дня, вплоть до этой девушки в сапогах мартинсах, еще не додумался никто.

Мы завтракаем, для моей мамы это уже второй за утро. Она встала в пол шестого, чтобы вовремя попасть на Пьяцца-дэль-Пополо, собралась не нарушая тишины, чтобы не разбудить нас, и вышла одна. В Риме шла генеральная репетиция празднования Дня Полиции; вместе с другими женщинами моя мама шла впереди почетного караула, остановилась, где и было указано клейкой лентой на старинной мостовой, сделала вид, будто получает медаль из рук президента, дала прикрепить её себе на грудь. Затем в удивлении сняла с себя пиджак, надо было отдать его одной служащей, которая вернет его на следующее утро: группа швей Виминале, Министерства Внутренних Дел, должна была пришить кусочек липучки, на которую крепится награда.

И тогда они встретились, по воле алфавитного списка. Калабрезе, Кустра. Когда моя мама повернулась, она увидела, как глаза девушки наполняются слезами. Была ее очередь разыгрывать получение медали. Но наверно игра длилась слишком долго, и она разразилась горьким плачем. «Я быстро посмотрела по сторонам, а затем нарушила протокол и перед

глазами невидимого президента, пустующей почетной трибуны, еще не проснувшейся площади, крепко ее обняла и стала гладить по волосам. Её зовут Антония Кустрá. Её отца убили недалеко от вашего, подумайте, надо просто пройти по Корсо Верчелли и потом по Виа-Сан-Витторе. Улицы Керубини и дэ-Амичис друг от друга не далеко. Но между ними пять лет разницы, с 72го до 77го, и город тогда уже привык к крови на асфальте».

Во мне загорается свет, я все время думаю о той девушке, хочу с ней поговорить. Она разрушила чары бюрократии, вернула память к жизни. Об остальном позаботится Карло Адзельо Чампи и его жена Франка на следующее утро.

Президент не сможет присутствовать на площади, ему поставили гипс: перелом правой ключицы. В то время как ответственные за церемонию уже назначают заместителя для вручения наград, в разочарование женщин, участвовавших в утренней репетиции, приходит неожиданное известие. Вся схема ломается и два автобуса наполненные женами, потерявшими мужей, и детьми, не помнившими своих отцов или имеющих о них смутные воспоминания, подъезжают к Квиринальскому Дворцу, официальной резиденции Президента Италии.

Президент принял решение о том, что празднование Дня Полиции начнется с опозданием, явился с рукой, подвешенной на косынке, в шейном платке вместо галстука, в подвешенном на одном плече синем пиджаке и начал импровизированную речь. Никогда я не видел Государство таким человечным, никогда мы не чувствовали его таким близким. Карло Адзельо Чампи хочет пристегнуть медали лично, не смотря на то, что может это сделать только одной рукой, не смотря на то, что его первый секретарь Гаэтано Джифини качает головой и продолжает держать очки подвешенными на одно ухо как умеет делать только он. Жаль, что нет журналистов.

Наступает наша очередь, мой брат Луиджи еле успел подъехать, он прилетел из Милана на самолете, не зная, что церемонию перенесли на более раннее время. Один сообразительный сотрудник полиции, не теряя времени, привез его из аэропорта в Квиринальский Дворец. Брат выходит из машины, когда мы уже стоим в дверях. Паоло и я громко подшучиваем над ним, рассказываем ему, как все прошло замечательно, но, к сожалению уже закончилось, ... Мы всегда шутили, чтобы избавиться от напряжения, слишком сильных эмоций или душасей бюрократии. Еще с детства мы придумывали игры перед официальными церемониями, и в День Полиции спорили на то, сколько сотрудников в почетном карауле упадут в обморок за следующие три часа.

Это было нашим способом выживания. Игры, шутки перед заседанием суда, перед памятными торжествами в полицейском управлении, где лицо отца на бронзовом бюсте уж слишком напряженное и строгое. Перед тем как войти в Квиринальский Дворец мы воображали себе как мы нарушаем протокол, говорим невозможные вещи. Это был также способ спасти маму от падения в пропасть: когда ее глаза затуманивались, становились далекими, один из нас старался рассмешить её, вернуть в настоящее.

Но в этот раз это Чампи застал нас врасплох, а вовлекла его в это его жена Франка, которая первой нарушила протокол: « Дорогие женщины, мой муж здесь для вас – для него была слишком важна эта встреча, несмотря на перелом. А перелом у него потому, что он скачет повсюду даже когда не следует... Это знак того, что я не останусь вдовой».

Президент шутит, улыбается, переполняется чувствами. Когда подходит наша очередь, просит нас рассказать, и тогда становится серьезным, протягивает руку и ласково треплет маму по щеке и говорит ей слова, которые она ждала всю жизнь, уже не надеясь услышать: « Мы вновь обрели память, для меня является честью вручить Вам эту медаль, даже если с большим опозданием». Я никогда не видел её такой умиротворённой.

После нас настает очередь Антонии Кустрá. Сегодня она не в мартинсах – прогнулась под протокол, хотя и не надолго: как только выйдет, снова наденет джинсовую куртку. Она вместе с мамой, и снова расчувствовалась; Чампи не может поверить её истории, мать судорожно прижимает руки ко рту, когда рассказывает, что дочь родилась после гибели отца.

Я задерживаюсь, чтобы поговорить с ней. Беру её номер телефона. Как минимум один раз в месяц намереваюсь навестить её, но меня парализует тревога и я откладываю.

Покидаем Пьяцца-дэль-Пополо и мама словно снова девочка, улыбается, безмятежно. Идем по Виа-дэль-Бабуино и она не хочет снимать медаль с пиджака, гладит её, как ребенок новую игрушку. Паоло подшучивает над ней: «Мама, ты похожа на советских ветеранов, идущих на Красную Площадь в медалях...». Она смеётся и бросает на него строгий взгляд: «Ну и пусть, к тому же я тоже немножко ветеран...». Это особенный день, который дарит нам возможность аперитива на Пьяцца-дэлла-Спанья. Я до сих пор храню кассовый чек, мы три брата не поскупились: Негрони, Кровавая Мэри и коктейль Мартини в полдень, мама не следует нашему примеру и заказывает безалкогольный фруктовый коктейль. Ровно пятьдесят евро. «Ребята, не увлекайтесь, это особый случай, и медаль всего одна».

Никогда не думал, что одна медаль может так много сделать, я всегда считал это бюрократической ступенькой, однако вижу, что она смогла перевернуть страницу в голове моей мамы и братьев, принесла душевный покой, лёгкость, душевный подъём.

Идём обедать в ресторан Президентэ, прямо возле Квиринальского Дворца, садимся за столик на улице. К нам присоединяется Анджело Ринальди. Я проводил в разговорах с ним целые ночи после работы в редакции. Он является с роскошным букетом белых цветов. Мама никогда не забудет утро 14го мая 2004го.

Марио Калабреззи – сын комиссара полиции Луиджи Калабреззи ровно через 35 лет после трагической гибели отца от рук террористов, рассказывает о том как его семья выживала в то время как подвергалась ожесточенным преследованиям до и после гибели отца, в эпоху, именуемую Годы Свинца в Италии (конец 60х – начало 80х). Рассказ ярко и правдиво описывает как общество и дух того времени, когда Италию раздирали идеологические противоречия на фоне терроризма, повлиял на судьбу его семьи и других невинных жертв; кто-то сумел выдержать период преследований, утрат и страха, равнодушия государства, но при этом удержать равновесие и дождаться момента истины, не всегда справедливой, а кто-то сломался безвозвратно.

Переводчик:Маргарита Маннанова- 2011